

ВНИСЕЙСКІЯ

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Ночь подъ пургою на Туруханской тундрѣ. А. А. Мордвинова.

НОЧЬ ПОДЪ ПУРГОЮ НА ТУРУХАНСКОЙ ТУНДРѢ.

Позвольте рассказать одинъ эпизодъ изъ путешествія моего по Туруханскому краю, совершеннаго мною въ зиму нынѣшняго года (*) по обязанности службы.

Неостанавливаясь надолго въ Авамѣ, мы на-завтра въ 11 часовъ отирались даѣе въ востокъ, мѣстностью, принадлежавшею въ р. Дудынтѣ. Это было въ Февраль мѣсяцъ 1858 г., при следованіи моемъ по тундрѣ въ р. Хатангѣ, въ 1000 вер. отъ Туруханска, а Авамъ — урочище, гдѣ два тилыхъ дома и казенный хлебный магазинъ. Погода была тихая и теплая. Я вышелъ изъ болка (**), еще въ первый разъ рѣшившись пу-

гешествовать на открытомъ воздухѣ, вне своего экипажа, и похалъ на Самодскихъ санкахъ, которыми правилъ мой спутникъ, Помощникъ Отдѣльнаго Засѣдателя, ознакомленный уже съ этимъ способомъ ѣзды. Олени неслись живою рысью; заструги, — снеговые сугробы, повертывали изъ стороны въ сторону санки наши; снѣгъ крутился подъ полозьями. Окружившая мѣстность интересовала меня, такъ — какъ ранѣе этаго я подробно не обозрѣвалъ ея. Это было вообще низкое и открытое пространство, перерезанное невысокими холмами, покрытыми мелкимъ и частымъ лѣсомъ и между ними озерами. Я здѣсь не видѣлъ того печальнаго однообразія, какое представляетъ чистая тундра. По всей вероятности соседство рѣки даетъ на которую жизнь природѣ. Поворотили въ глубь лѣса, отыскивая потерянную дорогу къ чуму (*), — какъ говорятъ

(*) 1858 года.

(**) Наглухо крытая нарта, — экипажъ особеннаго устройства, въ которомъ обыкновенно ѣздятъ мѣстные чиновники и прочія власти. авт.

(*) Обычное жилище инородцевъ въ Ту-

здесь, - окружали; но волазъ уже давно бросился вперед и - найдя стойбище - выхалъ на встречу. На широкой ложбинѣ, среди радсого лѣса, стояло два чума; кругомъ ихъ множество саянокъ, болшею частію нагруженныхъ имуществомъ своихъ владальцевъ, и огромное стадо оленей. Саянды встрѣтивъ насъ толпою радушно и провели въ самый большой чумъ, гдѣ известная лавка половина уже была очищена. Смятые олени были готовы; поспѣшили наскоро позавтракать — и далее, пользуясь благоприятнымъ временемъ. Нужно было сдѣлать въ ночи такой же переходъ, верстъ 35 до осадлага русскаго жилья; но здѣсь будетъ уместно известное изреченіе: „человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ.“ Таакъ случилось и съ нами.

Испытавъ удовольствіе аэды на Саянскихъ саняхъ, да притомъ и совсучаясь быть постоянно въ болкѣ, мы съ Помощникомъ отирались опять тѣмъ же порядкомъ. Разнообразная мѣстность, то открытая и ровная, то холмистая и покрытая лѣсомъ, безпрерывно встрѣчавшіяся озера, прекрасный вечеръ и теплая погода доставили намъ много удовольствія, такъ, что болѣе половины перехода прошло незаметно, между тѣмъ подулъ легонькій вѣтеръ, сдѣлалась изморозь. Мы продолжали ехать сколько въ надеждѣ быть скоро на станціи, столько же въ сожалѣніи

руханскій край. Оно устраивается изъ оленьихъ шкуръ и бересты, въ видѣ конусообразной, на шестахъ, и удобно переносится съ одного мѣста на другое. авт.

сидеть въ саняхъ въ отсыравшемъ платьѣ.

Вѣтеръ усиливался, образовалась мятель и почти пурга, такъ вврутившаяся снагъ, что нередко терали изъ виду саняхи и проводники, которые, что бы не разбиться, безпрерывно облипались. Судя по времени, следовало уже быть на станціи, — оказалось, что мы сблизись съ дороги. Волазъ бросался то въ ту, то въ другую сторону, разсматривая мѣстность и отыскивая известное направленіе; часто останавливались и другіе проводники, сходились между собою для совѣта, но при первомъ вопросѣ съ стороны нашей, особенно выраженномъ съ неудовольствіемъ, тотчасъ же разбѣгались къ своимъ санямъ и пускались впередъ. Очевидно они боялись обнаружить, что сблизись съ дороги. Убѣдившись, что привѣтъ нашъ на станцію отстрочился на неопределенное время и чувствуя, что лицо и руки мокры, платье залоченло, на ногахъ слой снагу, я рѣшился съестъ въ болодъ. Остановились. Кое-какъ обили снагъ съ меня, и я, обморочій, съ полузамороженными членами, помѣстился весьма неудобно въ болкѣ, который тотчасъ же и закупорили наглухо, чтобы снагъ не могъ завиваться въ щели. Наступила темная ночь, ничего не было видно. Невольная мысль явилась въ умъ, что, спасшись отъ пурги на тундрѣ, можемъ замерзнуть теперь не отъ пурги столько, сколько отъ сырости платья, еслибы наступилъ вдругъ морозъ и наша остановка могла быть продолжительна. Безъ движенія и въ

холодѣ согрѣться невозможно. Отогравъ прежде всего руки, я спалилъ зажечь огонь въ фонарѣ, всегда висавшемъ въ болкѣ у меня, а вѣтамъ старался сколько возможно обсохнуть и согрѣться. На этотъ разъ я позволилъ себѣ выпить порядочную порцію водки, которая, для подобныхъ случаевъ, всегда хранилась подъ руками, не только въ моемъ заплатахъ, но и въ другихъ, гдѣ помѣщались Помощникъ и люди. Пока еще можно было слышать меня, я поговаривалъ тоже самое сдѣлать и имъ и также немедленно укрыться въ свои заплатахъ. Пурга усилилась такъ, что болодъ дрожала и покачивалась, но проводники все еще не останавливались, въ тщетной надеждѣ попасть на потерянное направленіе. Наконецъ остановились, видя попытку бесполезными.

Еще насколько времени я размышлялъ о положеніи нашемъ. Оно было несравненно хуже того, въ какомъ находились мы въ Саянскихъ чумахъ. Тамъ мы были почти въ безопасности, а теперь здѣсь угрожала намъ, если не совершенная гибель, то возможность остаться съ створожеными частями тѣла, или сильно простудиться. Пока не стихнетъ погода и не выяснитъ — следовательно пока Саянды не спознаютъ мѣстности, нельзя думать тронуться далее, чтобы еще болѣе не заблудиться, — а слушать ли

() Еще ранѣе мы испытывали жестоку пургу въ Саянскихъ чумахъ, на открытой тундрѣ, гдѣ пробыли на одномъ мѣстѣ двое сутокъ. авт.*

погода завтра? а если случится то, что испуганные неудачею волазъ оттащить насъ, какъ это случилось некогда съ однимъ засѣдателемъ? Но всѣ эти мысли только мелькнули въ голову, не производя въ ней никакого лихорадочнаго раздраженія. Утомленіе взяло верхъ, благодѣтельный сонъ явился съ своею помощію; я погасилъ огонь — и, завернувшись въ даху, вранко заснулъ. Какъ прошла ночь, незнаю. Просыпаюсь, уже светло; понимаю, что мы продолжаемъ стоять на одномъ мѣстѣ; пурга гораздо тише, кругомъ ни малѣйшаго посторонняго звука, какъ будто одинъ. Что же это значитъ? Гдѣ же проводники, спутники мои? Неужели первые какъ нибудь вовремя ночи отделились отъ меня, а вторые действительно бросили? Со мною былъ небольшой марманный компасъ, вѣзтый не столько на случай какой-либо опасности, сколько для опредѣленія по временамъ направленія пути въ неизвѣстныхъ мѣстахъ и недалеко, въ портфелѣ, около меня, была карта Турханскаго края. Справившись съ перерывъ — я тотчасъ же увидѣлъ, что наше направленіе въ северу, следовательно мы оставили Дудышту въ сторону, къ югу. Нужно отыскать ее, и взявъ по ней направленіе къ западу, можно выйти обратно на Авамъ. Прошло не менее часа томительнаго сомнанія, пока составилась въ головѣ моей этотъ планъ спасенія, и я сталъ уже покойнее смотреть на свое положеніе. Но все еще оставалась въ надеждѣ, что эта тѣплица кругомъ не есть непрѣманный вранель, чтобы я былъ оставленъ одинъ. Быть можетъ,

и другіе, утомленные бурною ночью, спятъ спокойно, какъ и самъ я спалъ. Приотворивъ двери болка и выждавъ минуточку некотораго затишья въ погодѣ, я подаль голосъ; мнѣ отвѣчали, и вскорѣ явился къ болку сопровождавшій меня отставной казакъ П. Оказалось, что они все здѣсь и действительно спали; но невидно проводниковъ, хотя санки и олени ихъ тутъ. Узнавъ, что все мои спутники не потеряли ничего — я вздохнулъ свободнѣе и остановился на томъ, что вѣрно проводники разошлись ислабъ дорогу. Пока мы разговаривали съ П., конечно громко, бугры снѣгу, навитые мѣтелью около экипажей, изъ которыхъ опытный казакъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ каре, помѣстивъ сюда оленей и проводниковъ для предупрежденія побѣга, зашевелились, и изъ подъ нихъ начали показываться Самоѣды, также сподойно спавшіе въ своихъ непроницаемыхъ сонулхъ. (*) Все ожило тотчасъ же; одни бросились отыскивать путь, другіе стали запрягать оленей,

(*) *Лухал парка изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ, обще-принятый костюмъ всѣми инородцами и жителями. авт.*

между тѣмъ и погода, въ нашемъ счастьи, начала выясняться.

Скоро мѣстность была опознана и обнаружилось, что мы отъ прямаго направленія захали въ глубь тундры вереть 20 и неменѣе этаго блудили по ней, причемъ чуть — было не свалились въ большой оврагъ, едва лишь миновавъ его. Этой новой опасности мнѣ никакъ не приходило въ голову, — я ранѣе этаго не слыхалъ о существованіи здѣсь овраговъ, а, говорятъ, ихъ немало — и есть таіе, что можно сдѣлать хорошій перевертъ. Но слава Богу, все миновалось благополучно! Я далъ себя слово не дѣлать впередъ подобныхъ прогулокъ во время пурги. Нашли Дудынту, которую однакожь не разъ перевѣжали ночью, не замѣчая этаго, и по ней добрались уже въ полдень на станцію, — зимовье туземнаго крестьянина.

Надобно видѣть съ нашою непритворною радостью встрѣтились здѣсь мы все, какъ будто родные, давно невидавшіеся между собою. Нечего говорить объ ощущеніяхъ и трудахъ, пототорые были испытаны каждымъ въ эту тяжелую ночь.

А. Мордвиновъ.

Печатать дозволяется. Енисейскій Гражданскій Губернаторъ Падалка.

КРАСНОЯРСКЪ.